

**БЕННИГСЕН К. П. — в МПКК
О БЕННИГСЕН К. П. — СО ВЧК
БЕННИГСЕН К. П. — в МПКК
БЕННИГСЕН К. П. — КОМЕНДАНТУ
БЕННИГСЕН К. П. — в ПРЕЗИДИУМ ВЧК
БЕННИГСЕН К. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
БЕННИГСЕН К. П. и О. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ПОМПОЛИТ — БЕННИГСЕН К. П. и О. П.**

БЕННИГСЕН Ксения Павловна, родилась в 1884 в Санкт-Петербурге (отец, граф Беннигсен Павел Александрович; мать, Беннигсен Александра Карловна, урожд. фон Мекк) Сестра Ольги Беннигсен. Окончила гимназию. Проживала в Санкт-Петербурге, служила в конторе. Окончила двухлетние курсы сестер милосердия при Евгеньевской общине, с началом войны работала сестрой милосердия в госпитале, с 1917 — лечилась в деревне, с 1918 — вернулась в Петроград, работала помощницей заведующего Комитета городского хозяйства.

БЕННИГСЕН Ольга Павловна, родилась в 1886 в Санкт-Петербурге (отец, граф Беннигсен Павел Александрович; мать, Беннигсен Александра Карловна) Сестра Ксении Беннигсен. Окончила гимназию. Проживала в Санкт-Петербурге-Петрограде, служила в библиотеке.

22 мая 1919 — Ксения Беннигсен была арестована на своей квартире в Петрограде, 17 июня отправлена в Москву и заключена в Бутырскую тюрьму. В начале 1920 — приговорена к заключению в концлагерь до конца гражданской войны и отправлена в Новоспасский лагерь, позднее переведена в Брестскую концентрационную больницу. В марте 1920 — по просьбе юридического отдела МПКК заполнила "Опросный лист", в графе "Особые замечания" было ей записано.

<30 марта 1920>

«ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ:

22-го мая 1919 г<ода> я была арестована на квартире вместе с моей подругой Урусовой, как заложница-дворянка, в связи с наступлением на Петроград. После допроса Урусова, не имеющая родственников-мужчин, была освобождена, я же б<ыла> оставлена для дальнейшего содержания. На допросе я сообщила, что имею 3-х братьев, из которых старший, Эммануил, бывший член Госуд<арственной> Думы и Главного Упр<авления> Кр<асного> Кр<еста>, уехал при Временном Правительстве вместе с женой и двумя дочерьми в Копенгаген. Второй, Георгий, офицер Невского полка, попал в плен с армией Самсонова и в 1917 г<оду> б<ыл> интернирован в Данию, куда с разрешения нынешнего правительства к нему выехали жена и малолетний сын. Младший, Адам, бывший офицер Конногвард<ейского> полка, уехал летом 1914 г<ода>, по совершенно расстроенному здоровью, с женой и двумя маленькими детьми в Сухум, где службой на колбасной фабрике содержит себя и семью.

На допросе не могла сообщить точных сведений о местонахождении этого брата, не находясь с ним в переписке, и узнала это только впоследствии из писем матери, которые на всякий случай сохранила. Думаю, что это и есть причина, почему меня держат. Убедительно прошу Политический Красный Крест обратить особое внимание на мое дело и способствовать моему освобождению и возвращению в Петроград, где в это трудное время мать и больная сестра особенно нуждаются в моем уходе и помощи.

Подпись:

К. П. Беннигсен»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 179. С. 22. Автограф.

На анкете есть помета секретаря, что 7 ноября 1920 — приговор Ксении Павловне Беннигсен был заменен «на лишение свободы на один год». В ноябре 1920 — заведующий юридического отдела Московского Политического Красного Креста обратился с заявлением в следственный отдел ВЧК.

<7 ноября 1920>

Начальнику следственного отдела
при президиуме ВЧК
Для Комиссии по применению амнистии

Постановлением Комиссии по применению амнистии 7.11.20 г<ода>, назначенное гражданке Ксении Павловне БЕННИГСЕН наказание "заключение в лагерь до конца гражданской войны" — заменено лишением свободы на один год. По заявлению Беннигсен в Моск<овский> Полит<ический> Кр<асный> Крест она была арестована в Петрограде 28 мая 1919 г<ода> и 18 июня того же года доставлена в Москву.

Моск<овский> Полит<ический> Кр<асный> Крест принимая во внимание, что Беннигсен 1 год 8 месяцев лишена свободы, так что назначенное по амнистии наказание она давно уже отбыла полностью, просит сообщить Коменданту Брестской Концентрационной Больницы об отбывании Беннигсен назначенного ей срока наказания в немедленном ее освобождении.

Зав<едующий>
Юридическим отделом»².

В марте 1921 — Ксения Павловна вновь обратилась за помощью в Политический Красный Крест.

<16 марта 1921>

«Политический Красный Крест

Заключенной Ксении
Павловны Беннигсен

Заявление

Несмотря на отношение коменданту Брестской б<ольни>цы от 14/II с<его> г<ода> за № 987 о моем освобождении, пересланному 19/II за № 215, я все еще до сих пор не освобождена, и из ответа Ивановского д<агеря> <следует>, что это отношение не дает права на освобождение, что оно пришито к делу, видно, что дальнейшего хода делу не дается.

Убедительно Вас поэтому прошу выяснить достоверность моего освобождения и помочь мне скорей получить ордер.

К. П. Беннигсен.

16.3.1921 г<ода>.
Брестская б<ольни>ца»³.

В марте же 1921 — Ксения Павловна обратилась к коменданту Брестской больницы.

<23 марта 1921>

² ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 179. С. 23. Машинопись.

³ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 177. С. 217. Автограф.

«Коменданту Брестской Больницы
от заключенной Ксении Павловны Беннигсен

Заявление

Так как Вами была получена бумага из Политического Красного Креста от 14 февраля с<его> г<ода> за № 987 с извещением о состоявшемся будто бы моем освобождении, пересланное Вами в Ивановский лагерь, а Ивановский л<агерь> до сих пор ничего по этому делу не предпринял, то прошу Вас очень взять его в свои руки и помочь мне поскорей получить ордер.

Ксения Павловна Беннигсен.

23.3.1921 г<ода>»⁴.

Несмотря на обращения к коменданту, Ксения Павловна Беннигсен так и не была освобождена. В июле 1921 — она передала в МПКК свое заявление в ВЧК.

<28 июля 1921>

«Беннигсен
Ксении Павловны

В Президиум ВЧК

22-го мая я была арестована в квартире вместе с моей подругой Урусовой, как бывшие титулованные дворянки, и отведены в Мытнинский арестный дом.

29 мая были переведены на Шпалерную, откуда моя подруга спустя несколько дней была освобождена. Я же после краткого опроса, без прочтения мне протокола и без предъявления обвинения, была отправлена в Москву и водворена в Новоспасский лагерь принудительных работ, впредь до выяснения дела.

Не чувствую за собой никакой вины и не понимая причины моего ареста, прошу ускорить разбор моего дела и содействовать моему освобождению.

Гражданка Ксения Павловна Беннигсен»⁵.

Лишь к концу 1921 года Ксения Павловна Беннигсен была освобождена и вернулась в Петроград, работала медицинской сестрой в больнице, с 1931 — в пункте Охраны матери и младенца.

22 декабря 1933 — Ксения и Ольга Беннигсен были арестованы по групповому делу. 6 января 1934 — Ксения была вызвана на первый допрос, где было предъявлено обвинение как «участнице церковно-монархической организации». Через две недели на втором допросе была обвинена как «участница "Мефодьевских церковных братств" и содействие при их участии в интервенции». 26 февраля 1934 — сестры Ксения и Ольга Беннигсен, как «участницы церковно-монархической организации "Мефодиевское братство"», были приговорены к 3 годам ссылки в Казахстан. В марте 1934 — сестры выехали из Ленинграда в Атбасар Актюбинской области.

В июле 1934 — Ксения Беннигсен обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<27 июля 1934>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна

⁴ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 177. С. 218. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 178. С. 66. Автограф.

Прошу Вас очень принять участие в моем деле и дать ход прилагаемому здесь документу.

Все возводимые на меня обвинения я настойчиво отвергаю.

Со времени существования Советской власти я себе избрала небольшое поле деятельности по 2-м своим специальностям — музыкальной и медицинской, кот<орым> отдавала все свои силы.

Последние 2 года работала исключительно как сестра на 2-х пунктах Охр<аны> мат<еринства> и млад<енцев> — на 5-м (пр<оспект> Бакун<ина>) и 6-м (у зав<ода> Большевик).

Исполняла я эту работу не ради усиленного заработка, в кот<ором> не имела особой нужды, а вследствие большой потребности в сестрах.

Как сестра квартирной помощи, я исполняла огромнейшую работу, кот<орая> казалась совершенно несовместимой, весь день проводила на ногах, покрывая огромные расстояния то в городе, то далеко за городом, работала и в свободные дни и при слабости моего здоровья настолько уставала, что засыпала, сидя и даже стоя, как только кончалось напряжение, вызванное работой.

По прилагаемым удостоверениям видно, что я свой долг на обеих службах исполняла честно и добросовестно. Ясно, что при таком переутомлении я могла лишь урывками посещать какую-ниб<удь> церковь. Будучи глубоко верующей, я особенной церковностью никогда не отличалась и вообще посещала церковь нерегулярно, не принимая никакого участия в церковной жизни (не пела, не читала, в двадцатке не состояла и т<ак> д<алее>). Не имея никакой связи с церковной жизнью, мне причина моей ссылки совершенно темна.

Если она кроется в моем происхождении, то почему же до сих пор это происхождение не являлось чем-нибудь предосудительным?

Но всем декретам Сов<етского> правительства дворяне по происхождению не только не подвергаются карам, но и не являются лишенцами, доказательством чего является то, что паспорт я получила. Если же происхождение составляет вину, то за нее казалось бы я достаточно пожалала кару, когда в течение 2-х лет, с мая 19-го по апрель 21-го года содержалась как заложница в различных лагеря Москвы.

Если причина ссылки кроется в том, что я имею родственников за границей, от кот<орых> иногда получаю помощь, то опять-таки, казалось бы, она не должна бы заключаться в этом. Торгсин является официальным государственным учреждением; переписка моя с родственниками вполне открытая, официальная и носит исключительно семейный характер. Пишу я вообще редко и совершенно спокойно, зная, что существует цензура, кот<орая> вычеркивает какое-нибудь неосторожное слово или что-нибудь нежелательное в политическом отношении, о чем я могу не знать. Но думаю, что по отношению к моим письмам это и не пришлось бы делать, п<отому> ч<то> по поводу взятых у меня писем (полученных и мной написанных, но еще не отосланных) — мне не б<ыло> сделано никакого упрека.

Да и почему относиться ко мне с подозрением теперь, когда Сов<етское > прав<ительство> уже выходит из затруднений, тогда как я вполне оправдывала то доверие, с кот<орым> ко мне относились в самые трудные годы Сов<етское> строительства?

Нахожусь я сейчас в г<ороде> Атбасаре, где пока играю в кино за ½ оклада, но где по своей прямой специальности не могу найти работы, п<отому> ч<то> все мед<ицинские> учреждения обслуживаются местными сестрами. Если нельзя получить отмены ссылки, то, может быть, можно было бы достичь хотя бы сокращения срока и перевода в Европейскую часть СССР, где можно было бы существовать на свой заработок. Дорога сюда на свой счет стоила около 300 руб<лей>, в течение

свыше 3-х месяцев не получила ни малейшего даже аванса по службе и оставшиеся в Ленинграде вещи почти все проданы.

Материальное положение поэтому тяжелое, и приходится существовать на случайную помощь родственников, писать же им настоящее положение вещей, вследствие отсутствия месяцами зарплаты, — не хочется. Также и в климатическом отношении хотелось бы получить перевода. Атбасар особенно губительно влияет на легочные заболевания, кот<орые> здесь часто переходят в скоротечные формы. На наших глазах настолько ухудшилось здоровье еще в апреле работавшего здесь д<окто>ра Чаева, что он принужден б<ыл> уехать в мае в Петропавловск, где и умер от туберкулеза в начале июня.

Высказывая здесь в моем письме к Вам все причины, кот<орые> приходят на ум для объяснения моей ссылки, я еще не коснулась того официального обвинения, кот<орое> мне предъявлено и кот<орое> настолько не обосновано, что его просто не усваиваешь.

Мефодиевская церковь б<ыла> закрыта 5 лет т<ому> н<азад>; существовавшее при нем братство б<ыло> закрыто 13-14 л<ет> т<ому> н<азад>, когда я лично была в Москве и не знала даже о существовании Мефодиевской церкви, не говоря о братстве.

Простите, что затрудняю Вас своим делом, но глубоко верю и надеюсь, что вы не откажитесь хоть чем-нибудь помочь.

К. Беннигсен.

№ моего дела, а также и моей сестры — О. П. Беннигсен, на днях тоже пославшей Вам письмо с просьбой хлопотать о ее деле — 7734-33.

27/VII – 34 г<ода>.

г<ород> Атбасар Караганд<инской> обл<асти>, почта, до востребования»⁶.

В июне 1936 — сестры Ксения и Ольга Павловны Беннигсен просили помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<11 июня 1936>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна

Прилагая при этом заявление в НКВД, очень просим Вас не отказать его подписать и отправить, куда следует, а также поддержать нашу просьбу о досрочном выезде в г<ород> Актюбинск, т<ак> к<ак>, не имея достаточно теплых вещей, нам, вероятно, пришлось бы здесь провести еще одну зиму.

Извиняясь за беспокойство, мы все же надеемся, что Вы будете столь добры, нам помочь.

К. Беннигсен.

О. Беннигсен.

11/VI – 36 г<ода>.

Атбасар,
Советская 39»⁷.

В июле 1936 — заведующий юридического отдела Помполита ответил сестрам Ксении и Ольге Беннигсен.

<13 июля 1936>

«К. П. и О. П. БЕННИГСЕН

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1200. С. 121-124. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1543. С. 199. Автограф.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что В<аше> заявление в переводе в Актюбинск нами передано в НКВД и, согласно полученной справке, обещано выяснить возможность удовлетворить В<аше> ходатайство»⁸.

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1543. С. 198. Машинопись.